ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Парадигма модернизации: как ее понимать?

Препринт М-68/18

Центр исследований модернизации

М•ЦЕНТР

Санкт-Петербург
2018

УДК 327(470)
ББК 63.4
З-29

З-29

Заостровцев А.

Парадигма модернизации: как ее понимать? / Андрей Заостровцев: Препринт М-68/18. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 52 с. — (Серия препринтов; М-68/18; Центр исследований модернизации).

Теория модернизации не является чем-то устоявшимся, общепризнанным. Понимание модернизации как демократизации в результате экономического развития разделила исследователей на тех, кто видит в реальности такую причинно-следственную связь, и тех, кто ставит крест на теории модернизации, поскольку такой связи не находит. В случае же широкой трактовки модернизации как определенного перечня главных характеристик социального порядка за ними четко просматриваются современные демократии с рыночной экономикой. Проблема в том, что не все страны и народы идут в направлении подобных порядков. Такие исключения, как Китай и Россия, заставляют задуматься. В препринте предложено рассматривать процесс модернизации как конфликт между вестернизацией общественной жизни и адаптацией традиционных институтов к вызовам времени.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

© Андрей Заостровцев, 2018

Введение

В первой главе фундаментальной книги Д. Травина и О. Маргании «Европейская модернизация» уделяется внимание теоретикам модернизационной парадигмы, но оно сосредоточено преимущественно на таких легендарных фигурах ее «отцов-основателей», как М. Вебер, Т. Парсонс, У. Ростоу, А. Гершенкрон. Заметно более близкий к современности А. Пшеворский упоминается [Травин, Маргания, 2004, с. 94–95], но не в контексте принципиальных изменений, внесенных им и его соавторами в видение модернизации. И кроме того, со времени публикации книги прошло полтора десятка лет, что говорит в пользу желательности обращения к рассмотрению того, что делалось в мире в этой области за этот период. Короче говоря, несомненно есть смысл взглянуть на парадигму модернизации свежим взглядом.

У ряда читателей могло сложиться впечатление, что теорию модернизации похоронили еще в 70-е гг. XX века отвергнувшие ее представители социологии истории левого направлении, среди которых особо выделяется фигура И. Валлерстайна — создателя так называемого мир-системного анализа[1]. На самом деле это не так. С провалом социализма связано ее воскрешение в 90-е гг. XX века. Ведь в начале этого периода казалось, что после такого эпохального события все выходцы из социалистической системы чуть ли не «обречены» на счастливое будущее в либеральных рыночных демократиях. С крахом этой иллюзии, казалось бы, на теории модернизации снова поставлен крест.

---

[1] Эта история бунта молодых социологов против создававших теорию модернизации собственных учителей описана известным представителем исторической социологии Г. Дерлугьяном в предисловии к книге Ч. Тилли «Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992» [Дерлугьян, 2004].

Однако все оказалось не столь однозначно. Ее не забыли. Достаточно сказать, что ей уделяет серьезное внимание такой выдающийся макросоциолог истории, как Р. Коллинз [Коллинз, 2015, с. 259–303]. Тем не менее, как бы ни было важно продолжение научных традиций, нельзя пройти мимо факта, что новая, куда более узкая стезя теории модернизации по сравнению с ее первоначальной претензией на объяснение магистрального пути всего человечества становилась все более и более привлекательной для исследователей, а за последние годы превратилась буквально в ее политико-экономический мейнстрим.

В первой части данной работы показано, что внимание изучающих модернизацию представителей разных социальных наук едва ли не целиком оказалось сосредоточено на следующей проблеме: ведет ли экономическое развитие к демократии? Понятно, что однозначно негативный ответ на этот вопрос означал бы очень существенный урон общепринятой модернизационной парадигме, которая накрывает одним термином «модернизация» как технико-организационный, так и институциональный прогресс, да еще увязывает один с другим как причину и следствие.

Как увидим, мнения в поисках решения обозначенной проблемы разошлись. К согласию не помогает прийти и математика: результаты одних эконометрических расчетов вскоре бьются другими, вроде как более совершенными (и так без конца). Однако главный итог дебатов заключается в том, что от безграничной былой уверенности в том, что демократия есть результат экономического развития (суть концепции «экономизма»), остается не так уж много. На авансцену выводят либо опосредующие процесс демократизации промежуточные звенья, либо ищутся альтернативные объяснения исходных его причин. В первом случае появляются разные модификации теории модернизации, во втором же она просто отвергается.

Во второй части работы обращается внимание на широкие определения модернизации, ее трактовки как многогранного процесса, связанного с формированием таких социальных порядков, которые часто называют просто современным обществом. Перечисление его признаков различными авторами приводит к заключению, что за этим не очень конкретным термином скрываются рыночные экономики, демократические формы правления и сопутствующие их становлению и развитию изменения в общественном сознании, структуре населения и в том, что сегодня стало привычно называть человеческим капиталом. Однако появляется проблема, связанная с тем, что далеко не все страны и народы шли и идут в общем строю. В XX веке Россия задала загадку: может ли

модернизация иметь место там, где нет рынка и тем более демократии? Была ли так называемая сталинская модернизация? Автор препринта предлагает ответ на эти вопросы, выделив два типа цивилизационных порядков (правовой и силовой) и разделив понятие модернизации на две составляющие: вестернизацию и адаптацию. Первая в конечном счете трансформирует силовые общественные порядки в правовые, не-Запад становится Западом со всем присущим ему набором базовых институтов. Тогда как адаптация за счет определенных изменений приспосабливает институты силового общественного порядка к вызовам времени, не меняя их фундаментальных основ. Процесс модернизации в целом протекает как острый конфликт между вестернизацией и адаптацией, разрешение которого невозможно «за примирением сторон». Исход его не предрешен.

Теории модернизации сегодня: развитие или упадок?

В 2018 г. в издании Американской политологической ассоциации «Анналы сравнительной демократизации» прошла дискуссия ряда признанных исследователей под многоговорящим общим названием «Должна ли выжить теория модернизации?» В центре внимания оказался давно и широко известный постулат политолога С. Липсета, утверждающий, что экономическое развитие ведет к демократизации [Lipset, 1959]. Большинство участников обсуждения так или иначе представляло данную причинно-следственную зависимость как содержание понятия «модернизация»: она виделась им как обусловленный социально-экономическими достижениями прогресс в области демократии. Относительно актуальности такой интерпретации теории модернизации мнения дискуссантов разделились, но даже те, кто не отвергал ее как таковую, не могли принимать эту точку зрения без существенных поправок.

К. Бош подчеркивал, что демократизация происходит вслед за экономическим развитием далеко не сразу, а только в среднесрочном или даже долгосрочном периоде. Однако общая закономерность сохраняется: ежегодная вероятность перехода авторитарных стран к демократии (т. е. вероятность того, что некая авторитарная страна X в течение предстоящего года начнет трансформироваться в демократию) составляет 0 % для стран со среднедушевым доходом ниже $ 1000 и около 5 % для стран, где этот показатель $ 6000 и выше. Причем 10-процентное увеличение дохода приводит с лагом в 10–20 лет к повышению индекса демократии

(нормализированного от 0 до 1 индекса Polity IV) на 0,01 пункта [Boix, 2018, p. 12].

Механизм такого воздействия роста среднедушевых доходов (они принимаются за обобщенный показатель экономического развития ради удобства статистического анализа)[2] на демократизацию описывается чисто экономически. При этом отбрасываются любые связанные с ценностями подходы, а в противовес им выдвигаются три раскрывающих природу рассматриваемого процесса фактора. Во-первых, рост доходов снижает предельную полезность дополнительного дохода, и состоятельное население, таким образом, становится все менее чувствительным к характерному для демократии перераспределению в пользу необеспеченных. Во-вторых, рост доходов и в долгосрочной тенденции более равное их распределение ведут к снижению остроты политических конфликтов, что, естественно, благоприятствует демократии. В-третьих, прогресс экономики ведет к смещению богатства от недвижимых активов (например, земли) к мобильному капиталу, что снижает налоговое давление в силу того, что обладатели такового могут угрожать его выводом, а следовательно, издержки демократии сокращаются и состоятельные граждане становятся более склонными принимать демократические порядки [Ibid., p.14].

В другой статье, авторами которой стали сразу семь политологов из Норвегии, США, Дании и Швеции, приводится гораздо более умеренная трактовка связи экономического развития с демократией. Последнюю они рассматривали как сложное явление, вбирающее в себя целый ряд компонент. Были задействованы характеристики различных сторон демократии, представленные разработчиками проекта V-Dem (Varieties of Democracy), а также традиционные измерители уровня демократии: Polity IV, Freedom House и ряд других. В итоге развернутого статистического исследования результат получился весьма скромный.

«Связь между экономическим развитием и демократией, — пришли к выводу авторы работы, — устойчива (robust) только по отношению

---

[2] На возможную ограниченность и несовершенство использования этого показателя как универсального заместителя (*proxy*) многоаспектной категории «экономическое развитие» (включающей образование, урбанизацию и т. д.) обращалось внимание в вводной статье к дискуссии [Dahlum, 2018, p. 6]. Раздельное влияние дохода и образования на демократизацию изучалось Ф. Муртиным и Р. Важиаргом. Они пришли к выводам о том, что и доход, и образование оказывают положительное воздействие на продвижение к демократии, но влияние образования сильнее, чем влияние дохода [Murtin, Wacziarg, 2014].

к электоральному компоненту демократии, узко истолковываемому как наличие конкурентных национальных выборов и процедурная честность электорального процесса. Другие аспекты демократии не связаны или слабо связаны с доходом». И далее добавляют: «Мы также обнаружили, что в то время как экономическое развитие предотвращает откат в электоральной демократии, оно не оказывает существенного влияния на демократизацию» [Knutsen et al., 2018, p. 11].

Последнее заключение лишь подтверждает результаты часто цитируемой работы А. Пшеворского с соавторами, в которой они не нашли убедительных свидетельств в пользу суждения о том, что экономическое развитие ведет к демократии (они назвали этот вариант эндогенной версией), но зато привели расчеты, говорящие в пользу другой, экзогенной версии, согласно которой экономическое развитие стабилизирует (поддерживает) уже существующую демократию и делает отход от нее маловероятным [Przeworsky et al., 2000].

Дополнительные аргументы в пользу концепции А. Пшеворского и др. можно найти, например, в [Cheibub, Vreeland, 2016]. Авторы подтверждают, что переход к демократии непредсказуем, так как, по многочисленным наблюдениям, он никак не коррелирован с экономическим ростом. Зато есть *уровень* развития, выраженный в ВВП на душу населения, начиная от которого и выше вероятность краха уже имеющейся демократии близка к нулю[3]. Одновременно в работе приводится список демократий в условиях риска (демократических стран, где этот показатель ниже $ 8000). Здесь же дается объяснение, почему это так. В бедных странах ценность статуса диктатора относительно высока, а издержки его достижения — относительно низки. Тогда как в богатых странах — все наоборот. Завершают же авторы свое исследование следующим выводом: «Ученые могут много знать о демократии, но это знание не позволяет нам предсказать ее появление хоть сколько-нибудь достоверно. Зато мы определенно знаем, что демократии выживают в странах, которые богаче» [Cheibub, Vreeland, 2016][4].

---

[3] Этот уровень принят ими за $ 8000 (доллары 2005 г.) и связан с тем, что крах демократии в Аргентине в 1976 г. произошел при показателе среднедушевого ВВП $ 8165 [Cheibub, Vreeland, 2016]. До сих пор эта «высота» никому не покорилась, но не исключено, что она относительно скоро может быть взята.

[4] Новым обоснованием стабильности демократии может быть недавно подтвержденная ее прямая зависимость от степени социальной мобильности. Авторы статьи подтвердили интуитивное допущение А. де Токвиля о том, что потенциальная возможность перехода в другую социальную группу укрепляет демократию, но

Необъяснимое с точки зрения классической теории модернизации отсутствие статистической зависимости между экономическим развитием и демократией породило скорректированные версии видения модернизации. Один из участников обсуждения — Д. Трейсман, отстаивает концепцию условной модернизации (conditional modernization)[5]. В чем ее суть? Она заключается в том, что экономическое развитие делает демократизацию более достижимой, но переход к ней не гарантирован. Иначе говоря, связка «доход-демократия» оказывается вероятностной, но никак не строго детерминистской. Для перехода нужны так называемые триггеры — дополнительные условия, служащие его запуску. По аналогии с химическими реакциями их можно назвать катализаторами. К таковым могут относиться: экономические кризисы, а также хрупкость самого авторитарного режима, которому бывает нелегко пережить смену автократа (независимо от того, мирная она или нет). В итоге страны с более высокими доходами с большей вероятностью переходят к демократии, но появление триггеров предсказать очень трудно. В то время как в менее развитых странах те же триггеры приводят только к смене одной автократии другой [Treisman, 2018, p. 33].

В целях подкрепления выдвинутой им концепции условной модернизации Д. Трейсман обращается к опыту Испании. Страна оставалась автократией с 1939 г. и до смерти диктатора Франко в 1975 г., несмотря на то что за этот отрезок времени ВВП на душу населения учетверился. Переход Испании к демократии состоялся в период между 1975 и 1982 гг., когда этот доход рос незначительно. С тех пор страна находится на том же уровне демократизации, хотя доход растет [Ibid., p. 34].

В дальнейшем Д. Трейсман более подробно описывает механизм демократизации, обусловленный такими триггерами, как экономический кризис или смена лидера. И приходит к заключению, что теория модернизации продолжает работать. Единственное исключение из нее, которое он видит, — это Сингапур (лидер сменился, но мягкий авторитаризм на протяжении десятилетий при очень высоком душевом доходе сохраняется). В итоге утверждается, что «теория условной модернизации до-

---

только при условии близости средних и медианных предпочтений (в таком случае медианный избиратель не захочет свергать демократию). В противном случае медианный избиратель будет настроен против демократии [Acemoglu, Egorov, Sonin, 2018]. Фактически тем самым утверждается, что прочность демократии обратна социальной дифференциации (шведская демократия крепче американской).

[5] Впервые она была сформулирована Р. Кеннеди [Kennedy, 2010].

полняет, что такой переход (от авторитаризма — к демократии. — *А. З.*) более вероятен в год экономического кризиса и смены лидера, но надо остеречься от его ожидания на любой конкретной пороговой величине дохода» [Ibid., p. 36].

Двигаясь от фактического признания теории модернизации К. Бошем (разве что с самыми минимальными поправками) к концепции условной модернизации Д. Трейсмана, никак нельзя пройти мимо пересмотренной (revised) теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Первый называет ее в своей последней книге эволюционной теорией модернизации [Инглхарт, 2018], а второй предпочитает говорить о теории эмансипации [Вельцель, 2017; Welzel, 2018]. На них необходимо задержаться подольше, поскольку современную теорию модернизации невозможно представить без вклада Инглхарта—Вельцеля. Она олицетворяет собой наиболее значимую на сегодняшний день ее модификацию. Отличает ее не столько современный инструментарий в виде эконометрической обработки огромных массивов самых разнообразных данных (таковая присутствует у всех авторов, ведущих содержательный разговор об отношении демократии к экономическому развитию), сколько богатство вписанных в нее концепций.

Начнем с их совместной работы, вышедшей в 2005 г. [Inglehart, Welzel, 2005] и изданной в России в 2011 г. Именно в ней они сформулировали новое видение модернизации, которое интегрировало «социально-экономическое развитие, изменения в сфере культуры и демократизацию в рамках единого процесса человеческого развития» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 10]. Пожалуй, это была первая из серии фундаментальных работ XXI века, дающих социологическую и политэкономическую интерпретацию всей истории человечества[6].

Авторы согласились с главным постулатом исходных версий теории модернизации: в основе всех изменений лежит социально-экономиче-

---

[6] Несколько позднее, в 2009 г., вышла работа Д. Норта, Дж. Уоллеса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки» с многоговорящим подзаголовком «Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» [North, Wallis, Weingast, 2009; рус. изд.: Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] и три года спустя похожая по замыслу книга Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Acemoglu, Robinson, 2012; рус. изд.: Аджемоглу, Робинсон, 2015]. К этой же серии можно отнести историческую трилогию Д. Макклоски [McCloskey, 2006; McCloskey, 2010; McCloskey, 2016]. На русском издан пока лишь первый том трилогии [Макклоски, 2018].

ское развитие[7]. И основанные на нем изменения идут в целом в предсказуемом направлении. Причем «основой динамики человеческого развития является расширение свободы выбора и личной независимости» [там же, с. 12]. Общая же направленность движения такова: социально-экономическое развитие → культурные изменения → институциональные изменения. Главное отличие от предыдущих версий теории модернизации в том, что важнейшая роль отводится теперь изменениям в культурной сфере, которые ранее либо игнорировались, либо недооценивались [там же]. По мере экономического развития на место ценностей выживания приходят ценности самовыражения, которые находят, в частности, свое закрепление в институтах демократии. Авторы видели сложность реального исторического процесса и подчеркивали, что он не линейный и не напоминает движение к концу истории. «Прогресс нельзя считать неизбежным. Изменения ценностей, связанные с разными этапами модернизации, носят обратимый характер» [там же, с. 40].

Вернемся, однако, к рассматриваемой дискуссии. В ней принял участие К. Вельцель. В статье он сжато изложил собственное видение модернизации, которую в индивидуальной монографии отождествил с эмансипацией [Welzel, 2013; рус. изд.: Вельцель, 2017]. Модифицируя ранее опубликованную в совместной с Р. Инглхартом книге теорию, он обогатил ее сразу несколькими концепциями, среди которых: лестница полезности свобод, эволюционная эмансипация, тезисы (как их именует автор) источника, последовательности и заражения, а также описывающие первый из них ВАПК-условия[8]. Для их понимания нужно обратиться к логике взглядов автора на историю человечества. И проще всего начать со схемы, демонстрирующей это авторское видение.

Эволюционная теории эмансипации «связывает источник человеческой эмансипации со стремлением людей к освобождению, то есть к жизни, свободной от внешнего доминирования» [Вельцель, 2017, с. 388]. В соответствии с традиционными канонами теории модернизации специально оговаривается единство (в главном) человеческой природы: все люди на земном шаре в этом своем стремлении одинаковы.

---

[7] В последней своей книге Р. Инглхарт даже пишет: «Классический марксистский экономический детерминизм, видимо, оправдан» [Инглхарт, 2018, с. 70].

[8] ВАПК — это «водная автономия в прохладном климате».

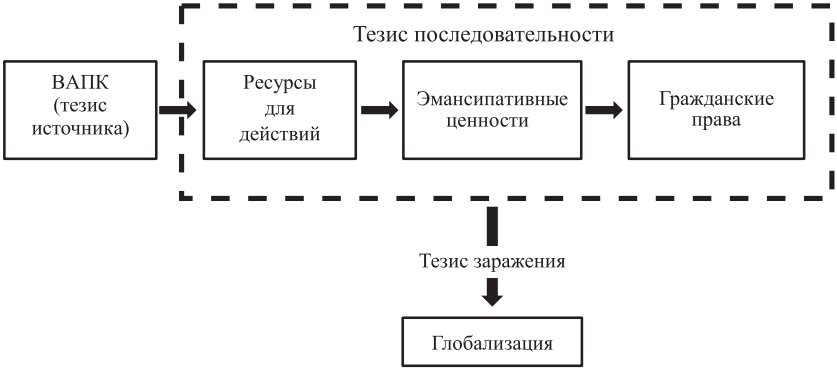


***Рис. 1.* Модернизация как эмансипация**[9]

ВАПК-условия, согласно К. Вельцелю, как экзогенный фактор экономического развития доминировали, естественно, в Северо-Западной Европе. И впоследствии «протестантизм и институты “белых поселенцев” развились *исключительно* в тех обществах, где ярко выражено ВАПК-условие» [там же, с. 354]. Правда, Япония, согласно автору, тоже занимает зону ВАПК. Как же такая зона способствовала развитию?

Одна из предлагаемых логических цепочек такова: в этой зоне не требовалось масштабной ирригации, — следовательно, не было нужды в массах народа, что сказывалось на демографическом поведении. На место стратегии размножения пришла стратегия развития — инвестиции в экономическую продуктивность пришли на смену инвестициям в демографическую продуктивность. Более высокое качество работников создавало условия для технологического прогресса. До 1450–1500 гг. это преимущество не действовало, так как нужно было еще дополнительное условие городские рынки. Только «в контексте рынков водная автономия создает производные автономии, такие как автономность выхода на рынок с идеями, навыками и продукцией — движущими силами технологического прогресса» [там же, с. 339]. В свою очередь, «технологический прогресс — это основополагающий фактор человеческой эмансипации, из которого проистекают эмансипативные ценности и гражданские права» [там же].

---

[9] *Рис. 1* является упрощенной схемой, представленной К. Вельцелем в монографии [Вельцель, 2017, с. 389].

Итак, ВАПК-условия дали исходный, внешний (независящий от человеческой деятельности), импульс к технологическому прогрессу. Последний же обеспечивает ресурсы для действий, которые делятся на материальные, интеллектуальные и коммуникативные. Их появление и развитие объективно повышает полезность свобод, поскольку именно свободы оказываются условием эффективной их эксплуатации (например, пользование железными дорогами предполагает наличие свободы передвижения, а пользование интернетом — свободы потоков информации). И тогда происходит подъем по лестнице полезности свобод — переход к эмансипативным ценностям: все большее признание находят независимость выбора и наличие равных возможностей. Далее же эмансипативные ценности (т. е. ценности свобод) требуют своего оформления и закрепления в формальных институтах: люди добиваются гражданских прав, которые складываются из прав на личную автономию и прав на политическое участие[10]. Гарантируя законодательно эти права, общество как бы выписывает лицензию на свободы. Последовательный подъем по лестнице свобод от ресурсов для действий к гражданским правам (тезис последовательности) и означает осуществление модернизации как эмансипации.

Наконец, о тезисе заражения [там же, с. 369–371]. Он завершает выстроенную картину. С конца XX века (примерно с 1980 г.) технологический прогресс освобождается от ограничений, связанных с ВАПК-условиями. Они играют в нем все меньшую роль. Зато усиливается роль экспансии ценностей и институтов модернизированных обществ через процесс глобализации. Происходит нечто вроде «заражения» ими отставших от модернизации стран.

Эволюционная теория модернизации предполагает постепенное замещение традиционных ценностей секулярно-рациональными, а ценностей выживания — ценностями самовыражения. Со времен появления

---

[10] К. Вельцель под лейблом «гражданские права» (civil rights) объединяет то, что общепринято называть собственно гражданскими правами (в его терминологии это права на личную автономию) и политическими правами (у него это права на политическое участие). Стандартное деление прав человека на гражданские права и политические права представлено, например, в методологии проекта «Свобода в мире» (Freedom in the World) организации Freedom House. Гражданские свободы складываются из четырех крупных компонент (свобода выражения и верований, ассоциаций и организаций; верховенство закона; личная автономия и индивидуальные права), а политические — из трех (электоральный процесс; политический плюрализм и участие; функционирование правительства) [Freedom House, 2018a].

совместной работы Инглхарта–Вельцеля [Inglehart, Welzel, 2005] хорошо известны построенные ими распределения местоположений стран мира в координатных осях, где на абсциссе представлены ценности выживания/самовыражения (чем дальше от начала координат, тем больше баланс смещается в пользу самовыражения), а на ординате — традиционные/секулярно-рациональные ценности (и опять же, чем дальше от начала координат, тем большее значение приобретают последние в ущерб традиционным). Значения по абсциссе и ординате рассчитываются для каждой страны на основе универсальной выборки ответов респондентов из проекта «Глобальный обзор ценностей» (World Values Survey). Использование данных за разные годы дает наглядную картину движения стран по шкалам вышеуказанных ценностей [Инглхарт, 2018, с. 90].

По мере успешного экономического развития в обществе все больше утверждаются ценности самовыражения, и это — дорога к демократии. Дело в том, что воплощение этих ценностей в поведении затруднено или даже просто невозможно при автократическом правлении. В то же время просвещенные в ходе экономического развития массы обретают способность к коллективным действиям и оказывают все более сильное давление на правящие элиты ради обретения отвечающих этим ценностям прав. В конечном счете при сильном напоре власть имущие могут осознать, что сопротивление требованиям снизу становится для них все более затратным (во всех смыслах), и уступить им. «Экономическое развитие приносит демократию через изменение ценностей и поведение людей» [там же, с. 167].

Р. Инглхарт, так же как и К. Вельцель, подчеркивает глобальный и универсальный характер предложенной им логики модернизационного процесса. Четвертая глава его книги так и называется «Глобальные культурные закономерности». В ней речь идет о том, что, несмотря на устойчивость традиционных культур, в мире наблюдается сдвиг в пользу ценностей самовыражения. Правда, аналогичный сдвиг в пользу секулярно-рациональных ценностей не происходит. Тем не менее «распространение ценностей самовыражения привело к тому, что демократия, а не автократия становится наиболее вероятным будущим» [там же, с. 73].

Р. Инглхарт не принимал участия в рассматриваемой дискуссии. Однако вклада К. Вельцеля было вполне достаточно для представления пересмотренной теории модернизации, как она была названа в их совместной работе [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Последующие ее модификации (что у Р. Инглхарта, что у К. Вельцеля) внесли существенные дополнения, но не изменили ее фундаментальной основы.

Далее в полемике на авансцену вышли противники теории модернизации. Первыми свою позицию изложили Д. Асемоглу[11] и Дж. Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2018]. Их главный тезис: экономический рост, вопреки утверждению С. Липсета, не ведет к демократии. Он подтверждался эконометрическим анализом в двух статьях [Acemoglu et al., 2008; Acemoglu et al., 2009] и излагался вербальным языком в их научно-популярной книге [Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 584–588]. Затем обсуждение перешло в то, что можно назвать «жонглированием эконометрикой». Дело в том, что после опубликования указанных статей ряд авторов за счет применения иных приемов технического анализа опровергали полученные в них результаты. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон указывают на ошибки оппонентов и ссылаются на те работы, которые также используют новые технические приемы и тем не менее подтверждают вывод об отсутствии статистической зависимости между экономическим развитием и демократизацией [Acemoglu, Robinson, 2018, p. 27].

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон обращают внимание на первых критиков классической теории модернизации. Среди них упоминается работа Г. О'Доннелла [O'Donnell, 1973], который пришел к выводу, что крах демократии происходил в наиболее экономически успешных латиноамериканских странах. В своей же книге они формулируют вывод о том, что, «вопреки постулатам модернизационной теории, не следует рассчитывать, что авторитарный рост обязательно приведет к демократии» [Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 588]. У этого роста есть свои пределы: он сворачивается, если несет реальную угрозу авторитарной власти.

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон не соглашаются даже с теорией условной модернизации. И обращают внимание на то, что надо прежде всего понять расходящиеся пути политического развития стран. В районе 1500 г. демократий не существовало и уровень экономического развития государств Запада и Востока был примерно одинаков. Затем началось «Великое расхождение». Оно было связано с появлением двух противоположных типов политических институтов. «Начальные условия создали инклюзивные и экстрактивные институты, которые затем поставили общества на различные долгосрочные пути душевого дохода, модернизации и развития» [Acemoglu, Robinson, 2018, p. 28]. Концепция Асемоглу—Робинсона, делает упор на два типа институтов-антиподов,

[11] В русских изданиях фамилия этого экономиста пишется в различных вариантах. Кроме Асемоглу, встречается Аджемоглу и Акемоглу. Важно иметь в виду, что речь идет об одном и том же авторе.

которые, раз возникнув и укрепившись, задают характер устойчивой зависимости от исторического пути и объясняют современное деление на богатые и бедные страны. Она подробно рассмотрена в [Заостровцев, 2014, с. 73–117]. На то же понимание роли институтов указывают и те, кто изучал подход Асемоглу и его соавторов к объяснению экономического роста. «Созданные столетия назад институты оказали влияние на траектории развития и в конечном счете повлияли на современное распределение мирового дохода» [Курзенев, Матвеенко, 2018, с. 392]. Впрочем, в этом можно убедиться и непосредственно, без пересказа их идей [Асемоглу, Джонсон, Робинсон, 2006].

В статье из материалов дискуссии Д. Асемоглу и Дж. Робинсон раскрывают, как экстрактивные институты тормозят развитие в Латинской Америке. Они описывают их суть как преобладание доминирования, заложенное при формировании социальных порядков. Для этих порядков была характерна кастовая иерархия: во главе были испанцы, родившиеся на полуострове, т. е. в самой Испании (Peninsular или Spaniard); после них в этой иерархии шли креолы (потомки испанцев, родившиеся в Латинской Америке), потом индио (Indio) — представители коренного индейского населения, и замыкали иерархию негры (Negro) — выходцы из черной Африки. Из принципа доминирования проистекает, например, нынешний мексиканский институт amparo — исключение из равенства перед законом, которое одновременно чем-то напоминает еще и российское «крышевание». Статья завершается следующим выводом: «Это структура доминирования и ее наследие, которые сформировали латиноамериканский путь политического развития и одновременно препятствовали экономическому росту, и сделали таким трудным построение демократии» [Acemoglu, Robinson, 2018, p. 30].

Если выделить основное возражение Д. Асемоглу и Дж. Робинсона против теории модернизации, то оно сведется к следующему: не экономическое развитие определяет институты, а институты — экономическое развитие. Однажды в прошлом сложившиеся институты надолго вперед задают вектор движения стран мира (тут явно прослеживается приверженность концепции зависимости от исторического пути), и сменить его — очень непростая задача. Та же Латинская Америка почти за 200 лет независимости не превратилась в США, несмотря на более чем многочисленные реформы. «Невозможно сконструировать процветание» [Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 589].

Очевидно, что в практических шагах своих наиболее рьяных адептов теория модернизации вырождается в «конструирование процвета-

ния» — социальный конструктивизм (≡ волюнтаризм), — или ту самую «тиранию экспертов», о которой писал У. Истерли [Истерли, 2016]. Об этом же говорят и Д. Асемоглу с Дж. Робинсоном: «Экономические реформы, воплощаемые без понимания их политических последствий, могут существенно снизить экономическую эффективность, а не способствовать ей» [Acemoglu, Robinson, 2013, p. 189].

Более радикальное неприятие теории модернизации демонстрирует завершающая дискуссию статья Ж. Мунка [Munck, 2018]. Для начала он отмечает две «приливные волны» теории модернизации в XX веке: в 50–60-е гг. и в 90-е гг. И два периода упадка: в 70–80-е гг. XX века и в настоящее время. Автор не уточняет эту периодизацию, но понятно, что первый подъем теории связан с именами Т. Парсонса и У. Ростоу, а также с неоднократно уже упомянутым С. Липсетом (так называемый классический период)[12]. Понятно, что оптимизм в отношении построения здоровых рыночных экономик и, особенно, демократий в странах III мира сильно поубавился в 70–80-е гг. прошлого века. Но тут «на выручку» пришел крах мировой социалистической системы.

Символом возрождения теории модернизации стала более чем известная книга Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1992]. И попутно заметим, что дело далеко не только в ней. Социальные науки стали в то время буквально насыщены так называемой транзитивностью (транзитивная экономика, транзитивное общество и т. п.)[13]. Вполне в духе теории модернизации допускалось, что все вышедшие из социализма страны пойдут по пути к эффективному рынку, правовому государству и демократии. Однако уже в нулевые годы XXI века снова наступает разочарование. Характерно, что в изданной в 2008 г. фундаментальной восьмитомной экономической энциклопедии (так называемом «Новом словаре Пэлгрейва») уже не нашлось места для «транзитивной экономики». О проблеме транзитивности напоминает только статья П. Мюррелла «Переход и институты» (“Transition and Institutions”), в которой довольно критически оцениваются реформы 90-х гг. XX века [Murrell, 2008].

---

[12] О классической теории модернизации можно прочитать, например, в работе: [Goorha, 2017].

[13] Проект организации Freedom House по определению рейтингов демократии в постсоциалистических странах до сих пор именуется Nations in Transit (переходные страны) [Freedom House, 2018b]. Хотя приводимые в нем данные более чем убедительно свидетельствуют, что если transit (переход) для целой группы стран и имеет место, то только в направлении, противоположном тому, которое предсказывала теория модернизации.

Полемика Ж. Мунка с теорией модернизации разворачивается в стандартном для такого рода дебатов ключе. Она «обвиняется» в экономическом редукционизме и идее монолинейного развитии (unilinear development)[14]. И прослеживает происхождение этой, как выражается Ж. Мунк, метатеории еще от А. Смита [Munck, 2018, p. 37]. Впрочем, заметим, что и сами «модернизаторы» не отрицают своего исторического наследия. В числе «отцов-основателей» через запятую перечисляются такие фамилии, как Маркс[15], Вебер, Дюркгейм, Спенсер [Инглхарт, 2018, с. 64]. Да и экономический редукционизм тоже не отрицается (Р. Инглхарт, как было показано выше, соглашается с экономическим детерминизмом Маркса). И вряд ли приверженцам теории модернизации стоит сетовать на необъективность оппонентов, когда встречают у них утверждение о том, что их роднит с марксистским миропониманием «безальтернативность пути развития человеческой цивилизации» [Шкаратан, Лексин, Ястребов, 2015, с. 14][16].

В полемике с Р. Инглхартом и К. Вельцелем Ж. Мунк обращает внимание на следующие обстоятельства: а) по сравнению с С. Липсетом они сужают временной горизонт воздействия экономического развития на демократию постиндустриальной экономикой (с 1970-х гг.); б) с их точки зрения, демократия генерируется лишь основанным на определенных

---

[14] В России критики теории модернизации называют это просто унитаризмом или линейно-стадиальным подходом. См., например, [Шкаратан, Лексин, Ястребов, 2015, с. 14].

[15] Фраза К. Маркса из «Предисловия к первому изданию “Капитала”» могла бы стать главным лозунгом теории модернизации: «Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [Маркс, 1960, с. 9].

[16] Предопределенность пути к конечному идеальному состоянию (современному обществу) достаточно четко формулируется российскими теоретиками модернизации: «Различные общества в *обязательном* порядке переходят от традиционного состояния к современному, в *обязательном* (курсив мой. — *А. З.*) приобретают определенный “набор” современных качеств» [Травин, Маргания, 2004, с. 26]. Из перечисленных далее первых двух отличий модернизированного (современного) общества от традиционного в облике современности явно вырисовывается рыночная демократия [там же, с. 38–41]. В книге «“Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского» Д. Травин даже еще более усиливает упор на обязательность перехода к ней, сравнивая этот социальный процесс с действием закона всемирного тяготения [Травин, 2018, с. 149]. Тут уж невольно вспоминается марксистский тезис о законах капиталистического производства, «действующих с железной необходимостью» [Маркс, 1960, с. 8].

ценностях массовым спросом на нее без серьезного сопротивления элит; последние просто «поставляют» демократию в ответ на запрос масс. Ж. Мунк в противовес им утверждает, что спрос на демократию, по крайней мере частично, строится на экономических интересах и что акторы требуют демократии не только после того, как их материальные нужды удовлетворены [Munck, 2018, p. 39].

Вмешиваясь в полемику Ж. Мунка с Р. Инглхартом и К. Вельцелем, нельзя не увидеть, что выдвигаемые последними в качестве причины разворота к демократии эмансипативные ценности или ценности самовыражения есть продукт последних трех-четырех десятилетий[17]. В то же время демократия значительно старше. Всеобщее (как для мужчин, так и для женщин) избирательное право появилось в Финляндии в 1906 г., еще в эпоху Российской империи. А первой в этом вопросе была Новая Зеландия (1893 г.). Вряд ли это было вызвано к жизни эмансипативными ценностями или ценностями самовыражения по Инглхарту–Вельцелю.

Ж. Мунк подчеркивает, что введение корректирующих условий перехода к демократии (сверх роста доходов) есть отход от оригинальной концепции С. Липсета[18]. Например, привычное для многих исследователей исключение из выборки стран-экспортеров нефти, поскольку нефть негативно влияет на демократию. Или же учет при определении влияния экономического развития на демократию таких привнесенных обстоятельств, как идеология правителей или глобальный политический порядок. Все эти и подобные подходы рассматриваются как поддержка ими де-факто альтернатив теории модернизации [Ibid., p. 40].

По мнению Ж. Мунка, таким образом, с одной стороны, новейшие разновидности теории модернизации не приносят ничего принципиаль-

---

[17] К. Вельцель в перечень эмансипативных ценностей включает автономию, выбор, равенство, голос. Автономию он измеряет как отношение респондента к автономии детей: если респондент признает их независимость, а также считает их воображение предпочтительным качеством по сравнению с послушанием, то с эмансипативными ценностями у него все в порядке. Свободу выбора он ограничивает репродуктивной сферой: насколько приемлемыми респонденты считают развод, аборт и гомосексуальность. Равенство он измеряет эксклюзивно через гендерное равенство. Более-менее традиционно определяется лишь голос: защита свободы слова и учет мнения людей при принятии важных правительственных решений, в местном сообществе и на работе [Вельцель, 2017, с. 94]. Примерно такое же понимание структуры ценностей самовыражения и у Инглхарта [Инглхарта, 2018, с. 65–66].

[18] Ранее мы это видели на примере теории условной модернизации.

но нового в социальные знания по сравнению с тем, что было уже хорошо известно к середине XIX века. С другой же стороны, дают такие ее интерпретации, которые, в сущности, являются ее опровержением. В результате «теория модернизации — это провалившаяся теория», которая «сталкивается с принципиальными теоретическими и эмпирическими слабостями». Поэтому «отказ от теории модернизации раз и навсегда будет признаком научного прогресса» [Ibid.].

Можно, конечно, не соглашаться со столь категоричной позицией. Тем не менее сейчас реже можно встретить безусловную поддержку теории модернизации, которая еще была довольно распространена десять лет назад. Так, в обзоре разных позиций относительно постулата С. Липсета Ю. Вухерпфенниг и Ф. Дойч пришли к заключению об его правоте. «Данные свидетельствуют о том, что исходный тезис Липсета несомненно находит эмпирическую поддержку» [Wucherpfennig, Deutsch, 2009]. Дискуссия же 2018 г., о которой шла речь выше, не дает оснований для такого вывода. Даже К. Бош, отстаивая позицию С. Липсета, делает специальную оговорку относительно временных периодов. Прочие же поразному дорабатывают и трансформируют теорию модернизации, определяя ее как условную или пересмотренную. Не говоря уже о тех, кто ее опровергает.

Совсем недавно была предпринята отдельная попытка сформулировать принципиально новую теорию модернизации для эпохи «невесомой экономики» (weightless economy), то есть экономики знаний [Goorha, 2017]. Показав определенную неадекватность классической теории модернизации из индустриальной эпохи грядущей экономической реальности и призвав изучать общественное развитие в его целостности, автор пытается наметить контуры нового подхода. Не вдаваясь в подробности авторского проекта, лишь отметим, что ключевым моментом в нем является создание пользующейся доверием формы правления (credibility polity). Предлагается революционный рецепт: что-то вроде схемы непрерывного голосования за или против членов правительства, которое исключит посредников, избирательные кампании и т. п. Дополняет эту схему система конкурирующих правительств. В отличие от прочих теорий модернизации, строящихся на обобщениях прошлого опыта развития, это видение обращено в будущее. Поэтому есть основания назвать его футуристической моделью модернизации.

В целом же констатируем, что относительно сегодняшнего положения дел с теорией модернизации можно сделать следующие заключения:

а) опорный тезис теории модернизации (постулат Липсета) о переходе к демократическому правлению как прямому следствию экономического развития все реже подтверждается эмпирическими исследованиями и потому в своем чистом виде находит все меньше сторонников;

б) пока сохраняется интерпретация экономического развития не как условия возникновения демократии, а как препятствия при достижении определенного его уровня (порога в виде среднедушевого ВВП) краха демократии (постулат Пшеворского)[19];

в) современные разработки теории модернизации ведут к появлению ее новых, существенно модифицированных трактовок: условной модернизации и пересмотренной теории модернизации в двух ее разновидностях (эволюционной и эмансипативной), которые наряду с экономическим развитием вводят дополнительные необходимые условия демократизации;

г) теория модернизации не пользуется всеобщим признанием в академическом сообществе: она встречается с опровержениями на эмпирическом и альтернативами на теоретическом уровне.

Две модернизации и российская реальность

Подходы к определению самого понятия «модернизация» столь многозначны и разнообразны, что рождают немало неясностей в отношении ее характеристик и критериев. Выше можно было отчасти в этом убедиться. Причем противоречивость подходов можно встретить и у одного автора. Например, К. Вельцель, как было уже показано, увязывает модернизацию с эмансипативными ценностями и расширением свободы выбора и в то же время отвечает на поставленный им самим вопрос «Что есть модернизация?» очень расплывчато, перечисляя практически все изменения к лучшему (по мнению автора), которые давно или совсем недавно сопровождают человечество. Говоря о материальных (hard) индикаторах модернизации он прибегает к их перечислению. В длинный

[19] Появление работы А. Пшеворского и др. рассматривалось в свое время как довольно серьезный аргумент против классической теории модернизации или как минимум ее принципиальная коррекция. Однако нельзя исключать, что события последних лет и вероятное их продолжение в виде дальнейшего падения рейтингов демократии стран со среднедушевым ВВП, значительно превышающим порог невозврата к автократии, заставят пересмотреть и постулат Пшеворского.

список попадают ускоряющийся прогресс технологий, растущая производительность труда, повышающийся уровень жизни, уходящая детская и материнская смертность, растущая продолжительность жизни и численности престарелого населения, снижающаяся рождаемость и распространение образования, прогрессирующая урбанизация и диверсификация занятости, растущий средний класс и переход к нуклеарной семье и альтернативным формам сожительства, а также расширяющиеся коммуникативность, информатизация, медиализация (наверное, имеется в виду насыщенность разнообразными средствами массовой информации) и с недавних пор цифровизация. И далее он продолжает: «Модернизация — это всепроникающий процесс, который трансформирует все области жизни наиболее глубоким образом и в основном к лучшему для благосостояния рядовых людей за счет сокращения эпидемий, бедности, неграмотности, социальной иммобильности, локальной изоляции и прочих внешних ограничений» [Welzel, 2018, p.18]. Как говорится в таких случаях, обо всем и ни о чем. В данной трактовке понятие «модернизация» начинает напоминать огромный мусорный бак, куда сбрасывается без разбора все, что только туда поместится.

Во введении упоминался Р. Коллинз в связи с его вкладом в теорию модернизации. У него фигурирует «квартет» из четырех главных модернизационных процессов: бюрократизации, секуляризации, капиталистической индустриализации и демократизации. «Бюрократия, — замечает он, — открыла сферу признания достоинства индивида, независимо от его рождения и личных связей» [Коллинз, 2015, с. 273]. Секуляризация усматривается в упадке «центральной институциональной роли церкви среди социальных организаций, а прежде всего в появлении светской формы легитимации государства и светского управления народным образованием» [там же, с. 274]. Капиталистическая индустриализация оценивается, скорее, не с точки зрения формирования институтов рыночной экономики, а с точки зрения создания промышленного потенциала [там же, с. 288–290]. Наиболее противоречивым является отношение Р. Коллинза к демократизации. Под ней он понимает два измерения: а) уровень коллегиального разделения власти (через парламенты, советы и другие структуры) и б) долю населения, участвующего в политических выборах [там же, с. 291]. В то же время, в отличие от практически единодушного отождествления демократизации с модернизацией (которое можно было увидеть в первой части данной работы), Р. Коллинз настроен куда более скептически: нехотя включая демократизацию в число модернизационных процессов, он оговаривает, что она не является таким уж современ-

ным явлением и на деле противоречит другим характерным чертам социальной структуры [там же, с. 267][20].

Д. Травин выделяет пять показателей модернизации, достижение которых позволяет сказать, что общество в основном модернизировано. Во-первых, устойчивая рыночная экономика, которую общество воспринимает в качестве «естественной формы своего существования». Во-вторых, формирование гражданского общества и демократии как формы политической организации этого общества. В-третьих, становление мобильного общества в географическом и социальном смысле. В-четвертых, способность среднего человека адаптироваться к новым условиям существования (гибкость реакции на динамичные перемены). И наконец, в-пятых, возрастание рациональности, под которой понимается принятие решений «на основе полученных выводов», а не в соответствии с инерцией традиционных представлений [Травин, 2015, с. 18–19]. Присутствует у автора и короткое определение модернизации: «Это длительный переход от традиционного общества к современному, который необходимо рано или поздно осуществлять самым разным государствам мира» [там же, с. 12].

Неудивительно, что при такой широкой интерпретации этого явления в него попадает буквально все, что продвигает страны и народы в данном направлении. При этом не ставится вопрос о том, а может ли то, что называется традиционным обществом, выступать не только в архаичных своих формах (например, в образе патриархального крестьянина-общинника в онучах, лаптях и с бородой до пояса), но в модернизированных, вполне приспособленных к современному миру (например, в лице характерных персонажей тоталитарных государственных машин XX века или их наследников в веке XXI)? Может. Модернизированное традиционное общество — это вовсе не оксюморон.

Российский философ В. Кантор писал, что «тоталитаризм есть реакция традиционного общества на техногенную цивилизацию с использованием всех приобретений этой цивилизации для воскрешения прошлого» [Кантор, 2007, с. 100]. Для юриста-либертарианца Б. Линдси социализм есть движение «назад в будущее», реализованная на основе современных научно-технических достижений ностальгия по традици-

[20] Не случайно здесь Р. Коллинз в качестве примера приводит нацистскую Германию. Для него развитие Германии со времени объединения немецких государств вообще представляется как авангард модернизации по первым трем ее признаком, вот только с демократией не очень получалось.

онному обществу[21]. Известный историк России Р. Пайпс писал, что «именно прививка марксистской идеологии к неувядающему дереву вотчинной ментальности принесла тоталитарные плоды» [Пайпс, 1997, с. 592]. Он же представил цельную картину институциональной истории России как эволюцию вотчинного (патримониального) государства [Пайпс, 1993]. Линию Р. Пайпса продолжают историки Р. Даниелс и А. Гетти. Первый, развивая идею преемственности коммунистической политической культуры от Московского царства, сформулировал как итог: «России удалось придать коммунизму русское лицо лучше, чем самому коммунизму сделать Россию коммунистической» [Даниелс, 2011, с. 301]. Второй, видя в сталинской системе все ту же институциональную преемственность от Московской Руси, доводит ее и до путинской России. При этом он обращает внимание на то, что российский патримониализм и клиентелизм не отмирающие практики, а вполне себе исторически укоренившиеся и сравнительно жизнеспособные институты, не поддающиеся пока вытеснению рационально-правовыми институтами [Гетти, 2016, с. 278–303]. Речь идет о том, что социологи называют неотрадиционализмом или, как это сформулировал ранее автор препринта, о традиционном обществе современного типа (ТОСТ)[22]. Развивать эту тему можно долго, обращаясь к трудам тех, кто видит Россию как особую институциональную матрицу[23], а не шагающую так называемым европейским путем (но почему-то все никак за пять с половиной веков так и не обретшую образ модельной Европы) «нормальную страну»[24].

---

[21] Подробнее о представлениях Б. Линдси см.: [Заостровцев, 2015, с. 11–12].

[22] Советский социализм представлен как первая адаптация традиционного общества к современности (ТОСТ 1.0), а путинская Россия — как вторая по счету (ТОСТ 2.0) [Заостровцев, 2017].

[23] Шведский экономист С. Хедлунд назвал это направление в русских исследованиях «теорией преемственности» [Хедлунд, 2015, с. 188]. К представленному им списку создателей этой теории можно добавить как его самого [Hedlund, 2005; Hedlund, 2006; Hedlund, 2017], так и таких цитированных выше историков, как Р. Даниелс и А. Гетти.

[24] Это определение применительно к России впервые прозвучало в статье экономиста А. Шлейфера и политолога Д. Трейсмана в журнале «Foreign Affairs» [Shleifer, Treisman, 2004]. В статье, озаглавленной «Нормальная страна», утверждалось, что с помощью Запада Россия превратилась в нормальную страну, которая будет проводить дальнейшую либерализацию и развиваться так же, как и другие подобные страны. По прошествии времени можно оценить цену этого пророчества.

Для нас же сейчас важно констатировать, что Россия оказалась в числе тех социальных порядков, где традиционные институты не отмирают под воздействием рационально-правовых, а преобразуют себя в историческом времени в ответ на вызов с их стороны так, что обретают в новообретенных формах способность до поры до времени достаточно эффективно противостоять им. Естественно, что, меняя себя, в глубинной своей сущности они остаются сами собой. Здесь отчасти уместно следующее образное сравнение: новый «Мерседес» по многим принципиальным качествам отличается от знакомого возрастным гражданам России горбатого «Запорожца», но в сущности и тот и другой — автомобили.

Возьмем, к примеру, такой фундаментальный социальный институт, как власть-собственность. Он органически встроен в патримониальную («вотчинную» по Пайпсу) природу российской государственности. В каких бы обличиях это государство не выступало в истории России, в нем властный статус персоны органически включает в себя определенный набор полномочий собственника, делая лиц, таковым не облеченных, лишь держателями активов на тех или иных неформальных условиях (условными владельцами)[25]. В то же время если в законодательстве таких сообществ и прописано формальное право собственности частных лиц, то его «можно защитить только в той мере, в которой собственник имеет реальный доступ к публичной власти» [Четвернин, Яковлев, 2009, с. 22].

Для любого непредвзятого наблюдателя очевидно, что система отношений присвоения в виде власти-собственности в веке XVI и в веке XXI далеко не одно и то же. Различия, накопленные за века по мере необходимости реагировать на меняющиеся условия бытия и институциональные вызовы внешней среды, столь контрастны, что некоторые за ними не видят неизменной глубинной основы: сосредоточения полномочий верховного собственника у тех, кто наделен неписаным правом использовать их в качестве субъектного воплощения государства и может задействовать при необходимости все его функции принуждения. Разумеется, механизм изъятия контрольного пакета акций «Башнефти» у АФК «Система» и перехода его в распоряжение ПАО НК «Росснефть» ничем не похож на опалу какого-нибудь боярина в Московской Руси

[25] У Р. Пайпса право на поместья в Московской Руси определяется как «условное держание» [Пайпс, 2001, с. 229]. Применительно к фашистской Италии и нацистской Германии он говорит об условном владении и ссылается на имеющееся в германском праве понятие «узуфрукт»: право пользоваться принадлежащим другому имуществом и получать с него доход [там же, с. 283, 287].

и передачу его владений царскому фавориту, кроме одного: и в том и в другом случае имеет место реализация фактических полномочий государства как единственного полноправного и конечного собственника всех активов.

Сопоставлять давно ушедшие времена с днями сегодняшними не всегда возможно, но в редких случаях помогает удача. Социологов в XVI веке не было, зато Московское царство вскоре после смерти Ивана Грозного посетил англичанин Дж. Флетчер, который оставил свои воспоминания, в частности, о встрече с купцами:

«Я нередко видел, как они, разложа свой товар (меха и т. п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтобы их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли насильно у них весь товар» [цит по: Пайпс, 2001, с. 235].

В то же время совсем недавно в России завершилось социологическое исследование «Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов». Все оно буквально пронизано свидетельствами о государственном произволе. Приведем только два высказывания.

«**У нас у всех собственность немножечко не наша. Мы все понимаем, что мы рулим, но в любой момент нас могут попросить ее отдать…** Тот, кто считает, что у него есть мандат на это. Мы понимаем, что это в любой момент может произойти».

И второе: «**Рейдерство, которое используют госструктуры для того, чтобы отобрать бизнес, конкурента уничтожить. Это аксиома, что если средний бизнес становится чуть более крупным, то его моментально у человека отбирают**. Очень редко удается людям построить бизнес так, чтобы он оставался под их контролем» [Мовчан, Волков, 2018] (выделено в тексте. — *А. З.*).

Можно предположить, что воскресни Дж. Флетчер, он не нашел бы особой разницы в плане состояния прав собственности между Москвой 1588 г. и Москвой 2018 г. Власть-собственность во многом определяет всю историю России. Есть все основания согласиться с Р. Нуреевым и Ю. Латовым в том, что власть-собственность — это ее базовый институт и историческая колея [Нуреев, Латов, 2016]. И казалось бы, окончательно сложившись вместе с Московией где-то в XV веке, он, в силу своей «несовременности» и неспособности вписаться в конкурентно-рыночную экономику, должен был бы сойти со сцены как минимум лет 150

назад. Тем не менее он обеспечивал мобилизацию московского войска на войну с Великим княжеством Литовским и затем Речью Посполитой, и он же в XX веке нацелил созданные им и оснащенные термоядерным вооружением стратегические ракеты на США. Воскресла, как было замечено выше, власть-собственность и в постсоветский период[26]. Так что, как говорится, «не спешите меня хоронить». Тем более что в рамках той же власти-собственности (со своей, конечно, страновой спецификой) развивается и современный Китай.

Отступление от основной темы — модернизации — к власти-собственности не случайно. Обращение к этому чрезвычайно живучему институту-антиподу частной собственности позволяет выделить два типа цивилизаций, в рамках которых существовало и существует человечество. Одна из них, как и ее особое проявление в виде российских социальных порядков, строится на власти-собственности, другая — на частной собственности. И только на основании этого цивилизационного деления можно упорядочить теорию модернизации, внеся в нее хотя бы относительную ясность.

Цивилизационный подход не общепризнан. Не случайно в предисловии к книге о российской цивилизации один из его творцов — российский социолог О. Шкаратан — пишет: «Эта книга о цивилизациях, которые одним представляются объективной реальностью, другим — выдумкой историков, политологов и социологов для удобства описания тех или иных процессов общественной жизни» [Шкаратан, Лексин, Ястребов, 2015, с. 1]. Тем не менее никак нельзя сказать, что цивилизационный анализ — это удел каких-то маргиналов. Тот же К. Вельцель делит мир на эмансипативные и эксплуататорские цивилизации, находя

---

[26] «В постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм… с присущими ему слитными отношениями “власть-собственность”, которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными» [Шкаратан, Ястребов, 2016, с. 358]. Попутно стоит отметить, что в путинской России довольно активно пошел процесс избавления власти-собственности от этой чужеродной оболочки в ключевых для нее секторах экономики. В 2016 г. доля в выручке компаний с государственном участием достигла 83,0 % в транспорте, 70,9 % — в энергетике, 70,0 % — в добыче полезных ископаемых, 46,8 % — в финансах и страховании [Абрамов и др., 2018, с. 41]. Это свидетельствует об укреплении института «власть-собственность» посредством восстановления единства формы и содержания: юридическое оформление начинает адекватно отражать суть фиксируемого им отношения. Есть основания предположить, что огосударствление продолжится, так как оно: а) снижает издержки специфических для этих отношений присвоения трансакций; б) облегчает доступ властной элите к генерируемым денежным потокам.

в этом своем делении сходство с теорией социальных порядков открытого и ограниченного доступа Д. Норта, Дж. Уоллеса и Б. Вайнгаста или концепцией инклюзивных и экстрактивных институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [Вельцель, 2017, с. 365]. Впрочем, такое двоичное деление вовсе не новость. Наверное, с тех пор, как социальные мыслители разделили мир на две части — Запад и Восток — на основе принципиальной несхожести их общественных устройств.

Среди разных цивилизационных теорий обратим внимание на одну, сравнительно малоизвестную, но, на наш взгляд, заслуживающую пристального внимания. Разработал ее российский юрист-либертарианец В. Четвернин. Он делит мир на цивилизации потестарного[27] и правового типа. В основе этого деления лежат диаметрально противоположные культуры. В потестарной культуре человек рассматривается лишь как часть по отношению к внеположенному целому (народу, государству и т. п.), в правовой — люди признают друг друга свободными, принадлежащими самим себе и договороспособными[28]. В соответствии с этим критериальным принципом историческая типология цивилизаций в индустриальную эпоху выглядит следующим образом (*табл. 1*).

По краям этой схемы, как видим, расположены правовая и потестарная цивилизации в качестве антиподов. Посередине — два смешанных варианта. При всей условности и даже спорности этой схемы в конкретных деталях она, на наш взгляд, ценна тем, что увязана с оригинальной теорией модернизации. В авторской интерпретации она подразделяется на два типа: западный и восточный. Согласно ей, «модернизация на Западе, в культуре правового типа — это свершившийся в Новое время переход от собственности как привилегии части членов общества к равноправию, к признанию равного права каждого на себя, права каждого быть собственником» [Четвернин, 2014, с. 191]. Иначе говоря, «модернизация на Западе — это и есть переход к капитализму» [там же]. Последующий сдвиг к социал-капитализму западного типа происходит вследствие нарастания государственного интервенционизма.

---

[27] Вместо термина «потестарный» (от латинского *potestas* — власть, мощь), который обычно применяют к описанию догосударственных сообществ, лучше было бы использовать термин «силовой». Тем более сам автор пишет, что «все институты, включая государственность, подразделяются на *правовой* и *силовой* типы…» [Четвернин, 2014, с. 174].

[28] «Правовыми… признаются институты и составляющие их нормы, которые обеспечивают свободную жизнедеятельность и позволяют пресекать, подавляют агрессивное насилие» [там же, с. 167].

Таблица 1. **Историческая типология цивилизаций по Четвернину**[29]

Культуры правового типа		**Культуры потестарного типа**	
Цивилизации правового типа	***Смешанные цивилизации***, относящиеся к правовому (слева) и потестарному (справа) типам культуры		***Цивилизации потестарного типа***
Капитализм (исторически развитый правовой тип)	*Западный социал-капитализм* на основе развитых правовых институтов	*Восточный социал-капитализм* с неразвитыми правовыми институтами	*Коммунизм* (завершенный тоталитаризм)

Другое дело — восточная модернизация. Это приспособление потестарных культур не к капитализму, а к западному социал-капитализму. Последний ближе к потестарной культуре, чем капитализм. В результате складывается особый тип социал-капитализма — восточный. Он существует в рамках культуры потестарного типа и поэтому, несмотря на уход от собственности как привилегии к ситуации, когда каждый может получить официально признаваемый статус частного собственника, остается обществом с неразвитыми правовыми институтами.

Тут все дело в том, что В. Четвернин разграничивает приватную (личную) собственность и частную собственность. Первая есть безусловная собственность, принадлежащая индивиду как продолжение права собственности на самого себя (не зависящего от Целого). Признание этого права — суть правовой культуры, иначе говоря, Запада. И даже если он идет по пути государственного интервенционизма, то эта культура и соответствующие ей правовые традиции и институты более или менее его ограничивают. А на Востоке же «в ментальности людей — носителей потестарной культуры — нет понимания свободы как самопринадлежности» [там же, с. 178]. Собственность там может быть в лучшем случае лишь частной (но не приватной, личной), так как она мыслится как выделенная человеку часть Целого. Поэтому даже после перехода от древнего деспотизма или коммунизма к социал-капитализму с его частной собственностью Восток «недотягивает» до западных обществ в правовом плане. Культура не дает. Хотя этот переход и обеспечивает быстрое экономическое развитие.

[29] Представлена упрощенная схема. Подробнее см.: [там же, с. 187].

В рамках такой концепции, казалось бы, трудно или даже невозможно объяснить итальянский фашизм или немецкий национал-социализм. Однако автор вводит понятия «срыв индустриальной модернизации» и «бунт потестарной субкультуры». В результате них получился «весьма одиозный для западной культуры вариант власти-собственности» [там же, с. 194], но все равно тоталитаризм вышел незавершенный. Дело в том, что западный культурный архетип сохранялся и благодаря ему после краха соответствующих политических систем произошла быстрая реставрация правовых институтов. И даже в Восточной Германии после социализма таковая удалась. В России же эти институты не закрепились в силу потестарной традиции [там же, с. 193].

В. Четвернин полностью отвергает связь коммунизма с модернизацией. «Коммунизм — это не альтернатива “восточной” модернизации, а “модернизация наоборот”, контрмодернизация». «Никакая модернизация невозможна в “чисто” потестарной цивилизации» [там же, с. 192–193]. Общества потестарного типа могут перейти к социал-капитализму восточного типа, но только при условии перехода от природоресурсной к производящей экономике. Пример — Япония, которая исчерпала свои природные ресурсы еще в XIX веке. Природоресурсная же экономика делает этот переход невозможным и блокирует любую модернизацию [там же, с. 194].

В итоге теория модернизации по Четвернину может быть сжато представлена в виде следующих тезисов:

1. Модернизация есть продвижение к правовому типу общества, к свободе, которая есть «право каждого человека на самого себя, или собственность на себя» [там же, с 177].

2. Модернизация делится на две разновидности: западная и восточная.

3. Это деление связано с двумя противоположными типами культур: Запад — правовая культура (самопринадлежность человека), Восток — потестарная (человек как принадлежность Целого).

4. Западная модернизация означала переход к капитализму (свободному рынку).

5. Государственный интервенционизм превратил Запад в социал-капитализм, но он остается именно *западным* социал-капитализмом на основе развитых правовых институтов в силу ограничений на интервенционизм, накладываемых правовой культурой.

6. Восточная модернизация означает переход не к капитализму, а к восточному социал-капитализму, который отличается от западного

неразвитыми правовыми институтами в силу ограничений, накладываемых потестарной культурой.

7. Коммунизм — это не модернизация, а контрмодернизация, так как в чисто потестарной цивилизации никакая модернизация невозможна.

Рассмотренную теорию модернизации можно назвать культурологически-либертарной. Если сравнить ее с институционально-исторической теорией современного видного представителя австрийской экономической школы П. Беттке и его соавторов, то общим между ними только будет упор на культурное ядро, названное ими греческим словом *mētis*[30]. Однако они не утверждают, что при всей своей устойчивости это ядро никогда, ни при каких обстоятельствах не может измениться. В данном же случае похоже, что культура — это действительно судьба, от которой не уйдешь. Согласно такой точке зрения, даже Япония, Тайвань и Южная Корея — это страны с навсегда неразвитыми правовыми институтами, так как в их культуре не заложена самопринадлежность как главная ценность.

Такой радикальный культурный детерминизм не дает возможности объяснить, почему в рейтингах экономической свободы Гонконг (он учитывается отдельно от материкового Китая) много лет устойчиво занимает первое место: в проекте «Экономическая свобода мира» (Economic Freedom of the World) — с 1990 г. Тайвань с 2010 г. не опускался ниже 20-го места, а по итогам 2016 г. (последняя доступная оценка в этом рейтинге) был 12-м из 162 юрисдикций. В то же время многие страны, которые В. Четвернин, несомненно, отнес бы к правовой культуре, не блещут в нем выдающимися результатами. Например, Франция с 28-го места в 2009 г. опустилась до 57-го в 2016 г., Италия с 2007 г. находится в 5–6-м десятке (по итогам 2016 г. — 54-я), и даже экономический лидер ЕС — Германия — выглядит несколько хуже все того же Тайваня (с 2013 г. не поднимается выше 20-го места) [Frazer Institute, 2018].

Разумеется, на это можно возразить, что правительства могут какие-то периоды времени проводить экономическую политику, которая «обгоняет» отсталый менталитет масс, что и находит отражение в этих показателях экономической свободы. Однако в последнем докладе по указанному проекту помещено исследование, в котором, по данным «Глобального обзора ценностей» за 1990–2014 гг., составлен Индекс свободнорыночной ментальности (Free Market Mentality Index). Он варьировался от 0 до 1 по мере возрастания поддержки свободного рынка. По итогам двух волн опросов (1990–1998 и 2005–2014) Синосфера за-

[30] Подробно эта теория изложена в: [Заостровцев, 2014, с. 189–199].

нимала третье место после Северной Америки и Северной Европы, опережая Южную Европу (Францию, Италию и пр.). Тайвань в последней волне опросов с показателем 0,65 уступал США (0,70), Новой Зеландии (0,69) и Швейцарии (0,67), опережая такие страны, как Норвегия (0,62), Канада (0,62), Швеция (0,61), Австралия (0,60), не говоря уже о Франции (0,49), Италии (0,49) и Испании (0,40) [Czeglédi, Newland, 2018, p. 205].

Из схемы Четвернина понятно, что модернизация прогрессирует при движении справа налево, хотя, как мы только что замечали, культурный барьер вроде как непреодолим. Остается невыясненным, однако, такой вопрос: сдвиг от капитализма к западному социал-капитализму в результате государственного интервенционизма — это что? С одной стороны, автор пишет, что «в условиях западного социал-капитализма происходило *интенсивное* развитие права» [Четвернин, 2014, с. 191] (курсив в тексте. — *А. З.*). С другой же, как он настойчиво объяснял, если право — это право человека на самопринадлежность, то не ослаблял ли ее государственный интервенционизм? Ведь при строгом следовании этому определению придется описывать общий тренд развития Запада от Англии середины XIX века как откат от пика модернизации, т. е. контрмодернизацию. Либертарная трактовка модернизации всегда будет спотыкаться об эту проблему.

Другую интересную трактовку модернизации представил недавно российский экономист А. Илларионов [Илларионов, 2018]. Запад рассматривается им как устойчивая институциональная система, что позволяет говорить о Западной цивилизации как об общественном феномене. Институты он подразделяет на универсальные (рынок), западные и антизападные. И выделяет семь западных институтов («великолепную семерку»), которые стали фундаментом Западной цивилизации. В их число вошли: 1) демократия как власть народа; 2) равенство людей (правовое, а не социально-экономическое); 3) право, базирующееся на справедливости (концепции естественного права и верховенства права); 4) разделенная власть (ограничение государственной власти и разделение ее ветвей); 5) ценность человеческой жизни, человеческое достоинство, индивидуальные свободы (личные, гражданские, экономические, политические). К этим пяти принципам добавляются еще два, идущих уже из XX века: во-первых, атлантизм, военно-политический, а затем и экономический, союз свободных стран; и во-вторых, права человека и их международная защита (в том числе в несвободных государствах).

Затем подчеркивается, что перечисленные западные идеи, ценности, институты не следует путать с европейскими. Последние включают в себя

и коммунизм, и фашизм, и национал-социализм. Они европейские по происхождению и антизападные по содержанию. На этом основании далее проводится различие между *вестернизацией* и *европеизацией*. Первая есть распространение и принятие незападными обществами западных идей, правовых принципов, этических ценностей, политических институтов. Напомним, что, согласно Илларионову, они не имеют географической привязки. Важно их содержание. Тогда как европеизация — это процесс распространения обычаев, привычек, стандартов (безотносительно их политико-правового характера), наличествующих в европейских странах. Вот тут появляется географическая привязка. А содержание их может быть любое. Отсюда следует, что захват большевиками власти в России, фашистами в Италии и национал-социалистами в Германии исключал их из числа западных (свободных) стран, но вот их экспансию за пределы территории Европы можно рассматривать как европеизацию.

И наконец, подходим к определению модернизации. Согласно А. Илларионову, «модернизация — это процесс общественной эволюции, традиционно представляемый как переход от более простого в человеческой жизни к более сложному, от примитивного к совершенному, от аграрной экономики к индустриальной и постиндустриальной, от традиционного общества к модерновому и т. д. *независимо от состояния политико-правовых институтов*» [там же] (курсив в тексте. — *А. З.*). Так, реформы Петра I — пример модернизации и девестернизации, а реформы Александра II — пример и модернизации, и вестернизации. Россия 1930-х гг. при коммунистах — это радикальная модернизация и жесткая девестернизация.

В таком понимании модернизация полностью вычищается от всякого эмансипационного содержания и более не представляет расширение пространства свободы личности и обретения ею неотъемлемых прав. Она более всего напоминает то, что называют технико-организационной или инструментальной модернизацией. А функция эмансипации — освобождения личности и становления ее суверенитета — возлагается на вестернизацию с перечисленными автором характеристиками.

Вопрос о соотношении модернизации и вестернизации крайне важен. Стремление разделить их встречается неоднократно. Д. Травин и О. Маргания видят в вестернизации слишком упрощенное представление о догоняющем развитии, которое не учитывает трудностей перехода от традиционного общества к современности и полезности сочетания заимствований с Запада с традиционными началами [Травин, Маргания, 2004, с. 28–29]. Правда, в отличие от модернизации, вестернизация ими

четко не определена. Поэтому не совсем ясно, а в чем, собственно говоря, различие? Вот, например, как было показано выше, в качестве составляющей модернизации Д. Травин рассматривает формирование гражданского общества и демократии как формы политической организации общества. Куда отнести этот процесс: к модернизации или вестернизации? По критериям А. Илларионова, разумеется, к вестернизации. Если же процессы демократизации, проходившие, скажем, на Тайване, — это модернизация, но не вестернизация, то тогда появляется дополнительный вопрос: почему? Что такого есть в китайской традиции, что хоть близко напоминает об этих процессах?

Разделению модернизации и вестернизации посвятил большую часть своего творчества известный индийский экономист Д. Лал [Лал, 2007]. Для него, как и для А. Илларионова, рынок — нейтральная ценность. Согласно Д. Лалу, ценность экономических свобод вытекает из материальных представлений людей (отвечающих на вопрос «Как обеспечить жизнь?»), и они могут быстро меняться в зависимости от требований времени. Так что догоняющие Запад страны не только могут, но и должны проводить последовательную экономическую либерализацию. Зато демократия и политические свободы вытекают из медленно меняющихся космологических (ценностных) представлений, отвечающих на вопрос: «Каким образом надо жить?» И если они несовместимы с политической свободой (результатом вестернизации), то таковая, в отличие от экономической свободы, не очень-то и нужна: модернизация вполне обойдется без нее[31].

Не вдаваясь в бесконечные дискуссии о том, полезна демократия для экономического роста или нет[32], обратим внимание на то обстоятельство,

---

[31] Подробное изложение концептуальных воззрений Д. Лала можно найти в книге автора препринта, в главе, которая называется: «Дипак Лал: модернизация без вестернизации» [Заостровцев, 2014, с. 118–168].

[32] В одном из последних исследований Д. Асемоглу с соавторами утверждается, что демократизация в длительном периоде увеличивает ВВП на душу населения на 20 % [Acemoglu et al., 2016]. Позволим себе предположить, что все подобного рода работы (так же как и рассмотренный в первой части анализ обратных зависимости между экономическим развитием и демократизацией) страдают одним недостатком: они сваливают в одну кучу самые различные страны. В то время как ответы на эти вопросы невозможно дать в отрыве от специфики каждой страны в отдельности. И отвечает на них не столько эконометрика, сколько практика. «Арабская весна» показала, что демократия со всеобщим избирательным правом может быть разрушительной силой (пример — Египет).

что между экономической и политической свободой нет «китайской стены». Страны с идеальным диктатором-либертарианцем существуют только в воображении. Далее заметим, что рынок, вопреки мнению А. Илларионова и Д. Лала, — это далеко не нейтральная ценность. Он неразрывно связан с признанием обществом прав собственности, свободных цен и свободной торговли. Это, скорее всего, буржуазные ценности, выработанные в процессе становления и развития Западного мира и до сих пор очень уязвимые, о чем говорит, например, Индекс свободнорыночной ментальности[33].

Одно из определений модернизации принадлежит российскому демографу А. Вишневскому: «Модернизация — это переход от аграрной, сельской, натуральнохозяйственной цивилизации к городской, промышленной, рыночной, от традиционного, аграрного, сельского, патриархального, соборного общества к современному, индустриальному или постиндустриальному, городскому, индивидуалистскому» [Вишневский, 2010]. Из него видно, что в широкой трактовке это понятие тождественно понятию «развитие». Есть некоторые основания предположить, что не будь проблемы так называемого догоняющего развития, то оно и не появилось бы. Следуя принципу «бритвы Оккама», строго говоря, оно и сейчас излишне. Однако оно очень широко используется, прочно вошло в лексикон представителей различных социальных наук и поэтому все-таки нуждается в интерпретации. Попытаемся это сделать.

Сразу оговорим, что не будем сколько-нибудь подробно касаться модернизации, протекавшей в странах, которые можно отнести к Западу. Для них она уже история. Тем не менее следует сказать о том, что этот процесс шел там в единстве с расширением свободы, хотя единство это было весьма противоречивым и совсем не непрерывным. Недаром почти все пишущие о модернизации не могут обойти такие явления, как немецкий национал-социализм и итальянский фашизм. Что же касается свободы, то ее можно интерпретировать в либертарианском ключе, примерно так, как это мы видели у В. Четвернина. Исходя же из определения ее как собственности человека на самого себя (самопринадлежности), придется констатировать, что всякий прогресс в этом вопросе шел (и идет) рука об руку с регрессом и бывало, что последний явно доминировал[34]. И все-таки именно Запад осуществил индустриализацию вместе

---

[33] Глобальное его значение снизилось с 0,64 в 1990-е гг. до 0,48 примерно к 2010 г.; падение составило 25 % [Czeglédi, Newland, 2018, p. 192].

[34] Достаточно вспомнить так называемый Новый курс (New Deal) Ф. Рузвельта в США и его провалы [Ротбард, 2012; Фолсом, 2012].

с утверждением прав собственности и верховенства права[35]. Это его уникальная особенность, а потому распространение принципов правовой цивилизации на остальной мир можно назвать вестернизацией (тут А. Илларионов прав). Лучше слова не придумаешь.

Что касается современного Запада, то тут ситуация двойственная. Постиндустриальное общество неплохо представлено в книге Д. Травина [Травин, 2015]. В ней оно охарактеризовано с самых разных сторон, но почти ничего не сказано о его непростых отношениях со свободой как самопринадлежностью человека. С ней же дела обстоят далеко не лучшим образом. Характерно, что К. Вельцель в качестве эмансипативных ценностей рассматривает, казалось бы, ценности классического либерализма (автономия, выбор, равенство, голос), но при раскрытии их содержания становится очевидным, что они никак не касаются прав собственности: под автономией понимается автономия детей от родителей, под выбором — выбор в репродуктивной сфере (развод, аборт, гомосексуальность), а под равенством понимается исключительно гендерное равенство[36]. Кстати, такое понимание эмансипативных ценностей ставит под вопрос всю его теорию модернизации[37]. В то же время для него характерен антирыночный настрой. «Человеческая эмансипация требует такой организации общества, при которой государство вмешивается там, где рынки неспособны обеспечить равенство возможностей» [Вельцель,

---

[35] Зачатки этих институтов можно найти много где в историческом прошлом, но нигде, кроме Запада, они не стали несущей конструкцией социального порядка. Поэтому ссылки Д. Макклоски на права собственности в Китае при династиях Мин и Цин (1368–1911) [McCloskey, 2010, p. 322] вряд ли заслуживают внимания. Их, кстати, не могло быть, поскольку сам человек находился в безраздельном распоряжении государства. У несвободного субъекта, строго говоря, не может быть прав собственности, даже если они прописаны в каких-то официальных документах в качестве таковых.

[36] Оно, как и прочие эмансипативные ценности, оценивается на основе ответов на соответствующие вопросы проекта «Глобальный обзор ценностей». В них не идет речь о так называемых гендерных квотах, но Р. Инглхарт в контексте разговора о гендерном равенстве упоминает о гендерных квотах в избирательных списках [Инглхарт, 2018, с. 126].

[37] В его схеме эмансипативные ценности являются причиной, а гражданские права — следствием. Как тогда объяснить тот факт, что гражданские права вполне утвердились на Западе, когда о большинстве эмансипативных ценностей по Вельцелю даже не догадывались? Похожее несоответствие замечает и В. Полтерович в предисловии к книге К. Вельцеля, когда пишет об успешном развитии стран с низким уровнем эмансипативных ценностей такого рода [Полтерович, 2017, с. 11].

2017, с. 72]. Не случайно среди выбранных эмансипативных ценностей отсутствуют важнейшие — отношение к свободному рынку, которые, как было показано ранее, анализируются на основе данных все того же «Глобального обзора ценностей».

Постмодернизм наряду с признанием ряда новых и вполне оправданных с позиции классического либерализма свобод выдавливает ряд старых и фактически сочетает вестернизацию с антивестернизацией. Еще Р. Пайпс в книге «Собственность и свобода» показал, как разворачивалась борьба против прав собственности в XX веке, включая ее новые формы этого противостояния [Пайпс, 2001, с. 271–365]. С тех пор болезнь только усугубилась. Не вдаваясь в анализ, просто перечислим главные ее проявления:

1. Экофундаментализм, стоящий на пути научного прогресса и свободного предпринимательства[38].

2. Позитивная дискриминация, выражающаяся в навязываемых гендерных, расовых и прочих квотах в политике, бизнесе и образовании.

3. Политическая корректность вплоть до откровенных нарушений принципа равенства перед законом в пользу так называемых меньшинств (этнических, гендерных и пр.).

4. Ограничение свободы слова (борьба против так называемой hate speech) и неодобряемой общественным мнением законной политической активности.

Проявляется все это в виде неправовых законов, судебных решений, административных распоряжений и действий руководства компаний и организаций. В результате Запад оказался практически беспомощным в противодействии незаконному нашествию иммигрантов с чуждым социально-культурным кодом, продолжение которого ставит под угрозу его собственную идентичность. Р. Инглхарт, в принципе, прав, когда пишет, что сдвиг в пользу правого популизма в последние годы обусловлен не столько социально-экономическими особенностями постиндустриального общества, сколько неприятием культурных изменений [Инглхарт, 2018, с. 257].

Естественно, что куда больший интерес для нас представляют не проблемы постиндустриального Запада, а модернизация в странах из силового культурного поля. Представленная ниже схема относится прежде

---

[38] Критика зеленого движения и избыточных экологических требований с позиций классического либерализма представлена в работах: [Лал, 2009, с. 298–334; Пеннингтон, 2014, с. 347–404].

всего к интерпретации модернизации в двух главных современных центрах этого поля — Китае и России. Иллюстрировать эту схему будем отсылками к истории и современному состоянию России.

Современную модернизацию в цивилизациях силового типа можно трактовать как сложный противоречивый процесс, складывающийся из двух конфликтующих видов модернизации: модернизации как вестернизации и модернизации как адаптации. Первая означает проникновение в силовые социальные порядки прав собственности и верховенства права (импорт базовых институтов правовой цивилизации — ПЦ). Вторая делится на два подвида: инструментальную модернизацию (освоение передовой техники и новых организационно-управленческих методов) и консервативную модернизацию (приспособление старых институтов к новым условиям существования).

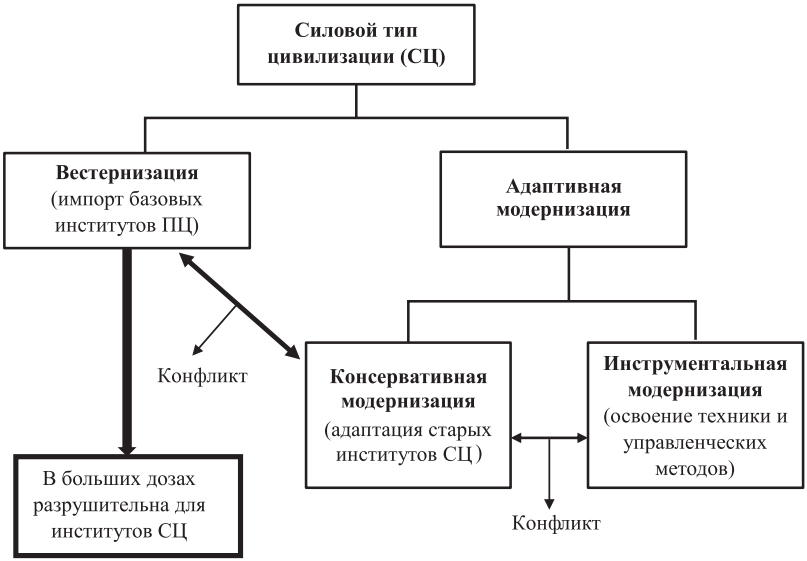


Рис. 2. **Современная модернизация в силовой цивилизации**

Начнем с вестернизации. Ее можно назвать трансформирующей модернизацией, так как она размывает фундаментальные основы силовой цивилизации, заменяя принадлежность человека Целому на его принадлежность самому себе. Силовая цивилизация в кризисные моменты своей истории допускает рыночные и правовые институты подобно тому, как тяжело больной человек принимает опасное сильнодействующее лекарство. Российские примеры из XX века: Столыпинская реформа, НЭП, рыночные реформы 1990-х гг. Однако чем глубже проникает в организм это «лекарство», тем сильнее потом реакция отторжения. Перед Первой мировой войной Россия находилась в мощном тренде смены силовой модели своих социальных порядков на правовую (знаменитая столыпинская мечта о двадцати годах мирного развития). Ответом явилась чисто адаптивная модель модернизации (сталинская модернизация) после небольшого отступления в виде НЭПа. Вестернизация из нее категорически исключалась.

Тут мы вплотную подходим к интересному вопросу: а можно ли вообще говорить о сталинской модернизации? Все зависит от определения модернизации. Если ее трактовать как смену цивилизационной модели через вестернизацию, то, разумеется, нет. Однако в предложенной на *рис. 2* схеме вестернизация не является обязательным элементом для всех эпох. Британский политолог Р. Саква говорит о сталинской модернизации как о мнимой модернизации. «Хотя формально Сталин модернизировал Россию, — пишет он, — характер этой “модернизации” весьма сомнителен» [Саква, 2011, с. 99]. При этом замечает, что в целом картина советской индустриализации и модернизации была искаженной. «Это был пример ложной модернизации, которая подражала моделям развития передовых индустриальных обществ, но которой недоставало фундаментальных динамичных элементов, позволявших развиваться таким обществам» [там же, с. 100]. Ложность же модернизации заключается в том, что «экономическая система оторвалась от потребностей общества» и «превратилась в вечный механизм, сосредоточенный главным образом на военно-промышленных задачах повышения международного статуса правящей элиты» [там же]. Р. Саква называет эту модель социального развития анахронизмом и заключает, что «коммунистическое развитие — это модернизация без духа современности…» [там же, с. 143].

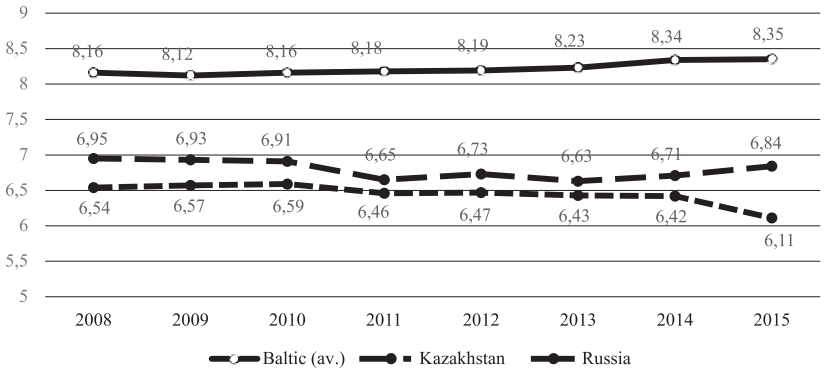
Мнимая или ложная модернизация, согласно введенной Р. Саквой терминологии, это и есть модернизация без вестернизации (адаптационная модернизация) — без свободы, прав собственности и рынка. Сталинская модернизация во многом подобна модернизации Петра I, истинная

суть которой «состояла в том, чтобы увеличить эффективность командования и контроля, а не в том, чтобы облегчить проявление инициативы снизу» [Хедлунд, 2015, с. 192]. Говоря о российских модернизациях, С. Хедлунд верно отмечает, что они носили преимущественно технический характер и им «ни разу не удалось перейти порог вестернизации» [там же, с. 253].

Последовательная, доведенная до конца вестернизация означает крах фундаментальных институтов силовой цивилизации (той же власти-собственности). Поэтому она находится в остром конфликте с консервативной модернизацией, протекающей в форме адаптации старых институтов данной цивилизации. Характерными в этом плане в России были дело ЮКОСа, изъятие компании «Евросеть» у Е. Чичваркина или же интернет-сети «ВКонтакте» у П. Дурова. На низовом уровне этот конфликт тоже постоянно присутствует в виде непрекращающегося давления на средний и малый бизнес, вплоть до его прямого уничтожения, не считаясь с законными правами собственности («ночь длинных ковшей» в Москве). Независимая от государства частная собственность (или даже просто имевшая тенденцию стать таковой), которая возникла в результате очередного в истории отступления этакратизма в 1990-е гг., представляет экзистенциальную угрозу для власти-собственности.

Отсюда и проистекают известные российские циклы, в разных терминах описанные О. Бессоновой, С. Кирдиной, Н. Розовым [Бессонова, 2015, с. 40–78; Кирдина, 2014, с. 269–305; Розов, 2011, с. 140–163]. Будь это раздаток и рынок у О. Бессоновой, X- и Y-матрицы у С. Кирдиной или уровни государственного успеха и свободы у Н. Розова, речь, по сути, идет об одном и том же. Россия временами, когда необходимо выйти из ловушки исчерпавших себя институтов силовых социальных порядков, начинает впитывать в себя чуждые этим порядкам альтернативные правовые и рыночные институты, а потом, насытившись ими до какой-то критической величины, отторгает их ради сохранения основ своего традиционного устройства. Это говорит об устойчивости традиционного общества, которое может отвечать на вызовы времени посредством эндогенной адаптационной модернизации. И в то же время нет оснований для утверждений о возможности конвергенции (интеграции) этих противоположных начал, как полагает, например, О. Бессонова [Бессонова, 2015, с. 79–99]. Промежуточные состояния могут быть достаточно длительными, но это отнюдь не «мирное сосуществование»: правовое начало в своем завершенном виде несовместимо с волеизъявлением неопатримониального государства.

Если требуется измерить степень модернизации как вестернизации общества, то для этого могут использоваться различные международные рейтинги демократии, экономической свободы, верховенства права, прав собственности. Одним из лучших показателей может служить Индекс человеческой свободы (ИЧС) [Vásques, Porčnik, 2017]. Это относительно новый показатель и рассчитывается с 2008 г. Складывается он из двух частей: личные свободы и экономические свободы. В этом заключается инновационный подход, поскольку ранее они не объединялись в одном показателе. Личные свободы охватывают следующие области: верховенство права, безопасность, свобода передвижения, религиозные свободы, свобода ассоциаций, собраний и гражданского общества, выражения мнений и информации, идентичности и отношений. Количественные показатели свобод в этих областях берутся из разных источников. В то же время оценки экономической свободы используют рейтинг «Экономическая свобода мира».



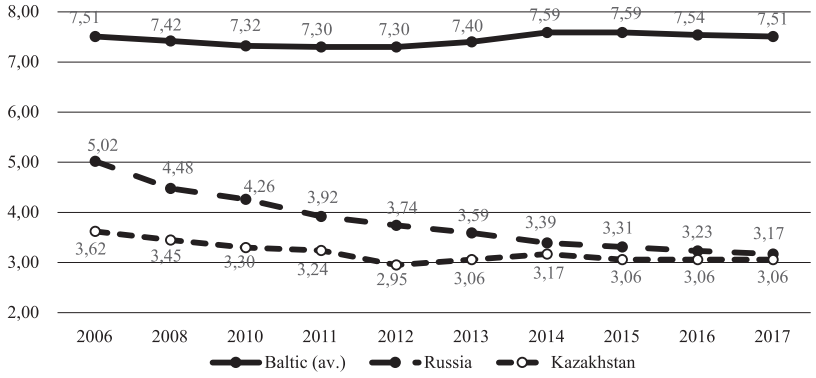
Примечание: шкала от 0 до 10, где 10 — высшая оценка.

***Рис. 3.* Индекс человеческой свободы**
Источник: [Vásques, Porčnik, 2017].

На *рис. 3* представлена динамика ИЧС с 2008 г. для стран Балтии, с одной стороны, и России и Казахстана — с другой. Она позволяет видеть регресс России и все возрастающий ее отрыв от стран Балтии. В то же время она уступает и Казахстану, причем за последний отчетный год (2015) разрыв с ним явно увеличился. Это является свидетельством того, что модернизация как вестернизация потерпела очевидную неудачу

в России. Достаточно сказать, что в 2017 г. РФ занимает 126-е место среди 159 включенных в Индекс стран. Что же касается стран Балтии, то их места в этом рейтинге на вершине списка: Эстония — 13-я, Литва — 18-я, Латвия — 24-я [Ibid.].

Не вызывает сомнений провал российской модернизации и с точки зрения попытки заложить основы демократического общества. Если посмотреть на Индекс демократии, рассчитываемый исследовательским отделом журнала «Экономист» (Economist Intelligence Unit), то при сравнении тех же стран, что и на *рис. 3*, мы обнаружим похожую картину (*рис. 4*). Отличием же является постоянное опережение Россией Казахстана, хотя, как видим, все эти годы Россия постоянно с ним сближается. Не исключено, что в ближайшие год-два они окажутся на одном уровне.



Примечание: шкала от 0 до 10, где 10 — высший балл

***Рис. 4.* Индекс демократии**
Источник: [Democracy Index 2017].

В Индексе демократии оцениваются следующие пять составляющих демократии: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, политическое участие, политическая культура и гражданские свободы. Оценка проводится также по шкале от 0 до 10, где 10 — высший результат. При этом в соответствии с полученной оценкой страны делятся на четыре категории: полные демократии (> 8), непол-

ные демократии (> 6, но ≤ 8), гибридные режимы (> 4, но ≤ 6), авторитарные режимы (≤ 4).

В соответствии с этой классификацией страны Балтии попадают в разряд неполных демократий, но ближе к полным демократиям, чем к гибридным режимам. Заметим, что в разряд полных демократий в Индексе демократии 2017 г. вошли только 19 стран, причем среди них нет США. В Индексе демократии 2017 г. Эстония занимает 30-е место в мире (и 1-е в Восточной Европе), Литва, соответственно, 37-е и 4-е, Латвия — 40-е и 5-е. В то же время Россия находится на 135-м месте в мире, Казахстан — на 141-м (всего в Индекс включены 167 стран) [Democracy Index 2017].

Как видно из *рис. 4*, Россия вплоть по 2010 г. находилась в категории гибридных режимов и лишь в Индексе демократии 2011 г. впервые скатилась до категории авторитарных режимов. Однако страна демонстрирует на удивление устойчивое падение: каждый последующий год хуже предыдущего.

Что же касается консервативной модернизации, то о ней уже отчасти было сказано ранее, когда речь шла о власти-собственности. Она тоже меняется в соответствии с требованиями времени: принимает формы акционерных компаний, привлекает иностранный капитал на правах миноритарных акционеров. В то же время вытесняет иностранные компании, если в период рыночных реформ они получили сильные позиции в ключевых отраслях. «Газпром» административными методами потеснил компании «Ройял датч шелл», «Мицуи» и «Мицубиси» из проекта «Сахалин-2», закрепив за собой 50 % плюс одну акцию и оставив их в числе миноритариев. Компания «Бритиш петролеум» на паритетных началах владела компанией ТНК-ВР — в свое время третьей по размеру среди российских нефтедобывающих компаний. Продолжалось это пять лет — с 2003 по 2008 г. Впоследствии пошел процесс принудительного устранения ТНК-ВР как самостоятельной компании и поглощения ее «Роснефтью». В качестве утешительного приза «Бритиш петролеум» получила миноритарный пакет акций «Роснефти» (примерно 13 %).

Модификация старых институтов не исчерпывается реставрацией власти-собственности в измененном обличии. В XXI веке в России была выстроена вертикаль авторитарной власти с соответствующими ее задачам административными и силовыми институтами с очень большими неформальными полномочиями. Фактически устранен федерализм и создано унитарное государство с высочайшей степенью централизации. При этом не только сохранилась, но даже и упрочилась традиция латент-

ной или теневой государственной власти. Конституция РФ с ее расписанными легальными полномочиями органов государственной власти и формальным разделением властей не дает представления о реальном распределении властных функций и полномочий. Проводится репрессивная политика по отношению к росткам гражданского общества (обременительный статус «иностранных агентов» присваивается нередко и далеким от политики НКО). Для авторитарной системы опасны любые инициативные горизонтальные связи (хоть общество любителей мёда). Естественно, что такая система несовместима с вестернизацией в форме демократии. Ее остатки в виде электоральных прав граждан причиняют заметные неудобства властной вертикали, особенно в период, когда нарастает массовое недовольство. На ряде губернаторских выборов осенью 2018 г. протестное голосование поддержало кандидатов, призванных решением сверху на ролевую игру по имитации электоральной конкуренции.

В на *рис. 2* обозначен еще один конфликт. Он связан с инструментальной модернизацией. С другой стороны, его представляют старые институты — участники консервативной модернизации. Российская система не может стоять на месте и не внедрять передовые достижения в диапазоне от техники до организации управления. Например, активно обсуждается и отчасти внедряется так называемое электронное правительство. В то же время ряд инноваций в сфере информационных технологий несовместим с задачами контроля над потоками информацией. В результате на бизнес возлагаются большие дополнительные издержки (так называемый закон Яровой, обязывающий провайдеров хранить огромные объемы информации). Имеет место и прямое противодействие развитию интернета: ФСБ выступило против проекта OneWeb и участия в нем российских компаний. Проект призван распространить высокоскоростной интернет на всю Землю. В данном случае имеет место неоднократно встречавшаяся в истории ситуация, когда авторитарные правительства опасаются, что новшества подорвут фундамент их власти. Ситуации такого рода описаны Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном. В частности, русский царь Николай I опасался, что по железным дорогам, соединяющим Россию и Европу, привезут революцию. Их и не строили [Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 308–312].

Следуя определению модернизации по Коллинзу (напомним, бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация), Н. Розов отмечает, что «в первое десятилетие XXI века Россия шла по пути модернизации только в одном аспекте: в восстановлении

и усилении государственной бюрократии, тогда как в остальных трех процессах сильно откатилась назад» [Розов, 2015, с. 465]. Такое видение проблемы, в принципе, верно отражает протекание модернизации в России как возвращение государства-Левиафана. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что консервативная модернизация рождает не веберовскую идеальную бюрократию, а бюрократию хищнического государства (predatory state), функционирование которой политолог В. Гельман описывает как «недостойное правление» [Травин, Гельман, Заостровцев, 2017, с. 129–152]. Проблема только в том, что это «недостойное правление» (перевод английского bad governance) есть не некое отклонение от «достойного правления» (good governance), а норма, заложенная в самой сути базовых российских институтов («Русской матрице»). Оно не может быть реформировано (как и система в целом), оно может только со временем превратиться в то, что политологи называют «провалившимся государством» (failed state). Переход от консервативной модернизации к вестернизации не проходит по плану. А что вырастет из обломков российской модели силовой цивилизации, спрогнозировать невозможно.

Литература

Абрамов А. и др. (2018). Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономические науки. Т. 13. № 2. С. 28–47.

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. (2015). Почему одни страны бедные, а другие богатые. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.

Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. (2006). Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // ЭКОВЕСТ. Т. 5. № 1. С. 4–43.

Бессонова О. Э. (2015). Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия.

Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.

Вишневский А. (2010). Ловушки консервативной модернизации URL: // http://polit.ru/article/2010/05/20/traps/

Гетти А. (2016). Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия.

Даниелс Р. В. (2011). Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина».

Дерлугьян Г. (2009). Военно-налоговая теория государства // Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государство. 990–1992. М.: Территория будущего. С. 8–16.

Заостровцев А. П. (2014). О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А. П. (2015). Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции. Препринт М-46/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А. П. (2017). «Служилое государство» в постсоветской России: II реинкарнация Матрицы Московии // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: Леонтьевский центр. С. 46–68.

Илларионов А. (2018). Великолепная семерка. Семь важнейших принципов Западной цивилизации. URL: https://aillarionov.livejournal.com/1075297.html#/1075297.html

Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.

Истерли У. (2016). Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара.

Кантор В. К. (2007). Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН.

Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История.

Коллинз Р. (2015). Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД.

Курзенев В., Матвеенко В. (2018). Экономический рост. СПб.: Питер.

Лал Д. (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.

Лал Д. (2009). Возвращение «невидимой руки»: актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство.

Макклоски Д. (2018). Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат.

Мовчан А., Волков Д. (2018). Неполитические реформы. Исследование мнений бизнесменов. URL: https://carnegie.ru/2018/09/27/ru-pub-77353

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

Нуреев Р., Латов Ю. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.

Пайпс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.

Пайпс Р. (1997). Россия при большевиках. М.: РОССПЭН.

Пайпс Р. (2001). Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований.

Пеннингтон М. (2014). Классический либерализм и будущее социально-экономической политики. М.: Мысль.

Полтерович В. М. (2017). На пути к общей теории социально-экономического развития // Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ. С. 6–15.

Розов Н. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.

Розов Н. (2015). Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и российский контекст // Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС; ЛЕНАНД. С. 437–475.

Ротбард М. (2012). Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН; Мысль.

Саква Р. (2011). Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина».

Травин Д. Я. (2015). Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д. Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. (2017). Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Травин Д., Маргания О. (2004). Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica.

Фолсом Б. (2012). Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль.

Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественные науки. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Четвернин В. А. (2014). Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-История. С. 161–205.

Четвернин В. А., Яковлев А. В. (2009). Институциональная теория права. М.: ГУ ВШЭ.

Шкаратан О. И., Лексин В. Н., Ястребов Г. А. (ред.). (2015). Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России».

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. (ред.). (2016). Нова ли новая Россия? М.: Университетская книга.

Acemoglu D. et al. (2008). Income and Democracy // American Economic Review. Vol. 98. No. 3. P. 808–842.

Acemoglu D. et al. (2009). Revaluating the Modernization Theory // Journal of Monetary Economics. Vol. 56. No. 8. P. 1043–1058.

Acemoglu D. et al. (2016). Democracy Does Cause Growth. URL: https://economics.mit.edu/files/12806.

Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. (2018). Social Mobility and Stability of Democracy: Reevaluating De Tocquille // Quartely Journal of Political Economy. Vol. 133. No. 2. P. 1041–1105.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). Why Nations Fail: The Origin of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2013). Economics versus Politics: Pitfalls of Policy Advice // Journal of Economic Perspectives. Vol. 27. No. 2. P. 173–192.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2018). Beyond Modernization Theory // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 26–31.

Boix C. (2018). Richer, More Equal, and More Democratic // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 12–16.

Cheibub J. A., Vreeland J. R. (2016). Modernization Theory: Does Economic Development Cause Democratization? // The Oxford Handbook of the Politics of Development / eds. C. Lancaster, N. van de Walle. Online publication. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199845156.013.26.

Czeglédi P., Newland C. (2018). Measuring Global Support for Free Markets, 1990–2014 / eds. J. Gwartney et al. Economic Freedom of the World: 2018 Edition. Fraser Institute. P. 189–211.

Dahlum S. (2018). Modernization Theory — What Do We know After 60 Years? // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 4–6.

Democracy Index 2017. Free speech under attack. URL: http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy_Index_2017.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2017

Frazer Institute (2018). Economic Freedom of the World: 2018 Annual Report. URL: https://www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom-of-the-world-2018-annual-report

Freedom House (2018a). Freedom in the World 2018. Methodology. URL: https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2018

Freedom House (2018b). Nations in Transit 2018. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf

Fukuyama F. (1992). The End and the Last Man. New York: The Free Press.

Goorha P. (2017). Modernization Theory // Oxford Research Encyclopedia of International Studies / R. Marliin-Benett (ed.). Online publication. doi: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.266.

Hedlund S. (2005). Russian Path Dependence. London & New York: Routledge.

Hedlund S. (2006). Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // Euro-Asia Studies. Vol. 58. No. 5. P. 781–785.

Hedlund S. (2017). The Attraction of Extraction: Fundamental Institutions of Russian Long-Term Development Strategy // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: Леонтьевский центр. С. 11–27.

Inglehart R., Welzel C. (2005). Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press.

Kennedy R. (2010). The Contradiction of Modernization: A Conditional Model of Endogenous Democratization // Journal of Politics. Vol. 72. No. 3. P. 785–798.

Knutsen C. H. et al. (2018). Economic Development and Democracy: A Disaggregated Perspective // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 7–11.

Lipset S. M. (1959). Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. Vol. 53. No. 1. P. 69–105.

McCloskey D. N. (2006). The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce. Chicago: University of Chicago Press.

McCloskey D. N. (2010). The Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago: University of Chicago Press.

McCloskey D. N. (2016). The Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enrich the World. Chicago: University of Chicago Press.

Munck G. L. (2018). Modernization Theory as a Case of Failed Knowledge Production // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 37–41.

Murrell P. (2008). Transition and Institutions // The New Palgrave Dictionary of Economics Online / S. N. Durlauf & L. E. Blume (eds.). Palgrave Macmillan. 3 January 2009. URL: http://0-www.dictionaryofeconomics.com.library.lemoyne.edu/article?id=pde2008_I000264. Online publication. doi:10.1057/9780230226203.1734

Murtin F., Wacziarg R. (2014). The Democratic Transition // Journal of Economic Growth. Vol. 19. No. 2. P. 141–181.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009). Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Donnell G. (1973). Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkley: University of California International Institute.

Przeworski A. et al. (2000). Democracy and Development. New York: Cambridge University Press.

Shleifer A., Treisman D. (2004). A Normal Country // Foreign Affairs. Vol. 84. No. 2. P. 20–38.

Treisman D. (2018). Triggering Democracy // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 32–36.

Vásques I., Porčnik T. (2017). The human freedom index 2017. A global measurement of personal, civic and economic freedom. URL: https://object.cato.org/sites/cato.org/files/human-freedom-index-files/2017-human-freedom-index-2.pdf

Welzel C. (2013). Freedom Rising. New York: Cambridge University Press.

Welzel C. (2018). Modernization and Democracy: An Emancipatory Nexus // Annals of Comparative Democratization. Vol. 16. No. 3. P. 18–25.

Wucherpfennig J., Deutsch F. (2009). Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited // Living Reviews in Democracy. URL: http://www.cis.ethz.ch/research/living-reviews-in-democracy.html

Андрей Заостровцев

Парадигма модернизации: как ее понимать?

Препринт М-68/18

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru
Подписано в печать 15.12.18.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

М•ЦЕНТР

Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**, в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA: OIL, GAS, AND MODERNIZATION.** Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999.** СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.** М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР.** СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**. Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES.** Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ.** СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**. СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ, ИЛЛЮЗИИ.** СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.